

ОЛЬГА ОЖГИБЕСОВА

Сага о маленьких радостях

ЗАПИСКИ ЗАЯДЛОГО СОБАЧНИКА

Ольга Ожгибесова

**Сага о маленьких радостях.
Записки заядлого собачника**

«Издательские решения»

Ожгибесова О.

Сага о маленьких радостях. Записки заядлого собачника /
О. Ожгибесова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855093-5

Эта книга посвящена животным — в первую очередь, пуделям, которые на протяжении долгих лет дарили любовь своим хозяевам.

ISBN 978-5-44-855093-5

© Ожгибесова О.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Любви все возрасты...	7
Начало начал	9
Когда деревья были большими	12
А вас, Штирлиц, я попрошу остаться	16
Тебя, как первую любовь...	18
В поисках радости	20
Дуракам закон не писан	22
Три зарплаты за щенка	24
Дерните стоп-кран, пожалуйста...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сага о маленьких радостях Записки заядлого собачника

Ольга Ожгибесова

© Ольга Ожгибесова, 2017

ISBN 978-5-4485-5093-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Против красоты противоядия не существует. Поэтому не стоит ходить на выставки собак. Ибо вы навсегда будете отравлены красотой самой естественной, самой совершенной, самой удивительной. Вы начнете чахнуть, страдать и плакать – оттого, что вам не принадлежит хотя бы малый кусочек этого великолепия. Вы пойдете на невероятные жертвы ради того, чтобы стать счастливым его обладателем, а, став им, будете мучиться от осознания, что у кого-то другого есть бриллиант еще более яркий, еще более совершенный, чем у вас. Вы будете пытаться собрать коллекцию драгоценностей, но, собрав, поймете, что нет предела совершенству, и либо разочаруетесь, либо, если у вас хватит духу, начнете все сначала.

Люби все возрасты...

Не нужно было идти на эту выставку. Бог знает, что меня туда понесло. Участие в выставках или даже просто их посещение в качестве сторонних наблюдателей мы давненько уже игнорировали.

Но в тот день бес попутал...

Ее звали Майка. Это был роскошный шести-семи месячный щенок большого черного пуделя. Если есть в мире совершенство, то Майка была его живым воплощением. Увидев ее, я поняла: вот она, моя мечта! Если бы в тот момент мне сказали, что я могу получить эту собаку, я не остановилась бы ни перед чем! Это была любовь с первого взгляда, причем такая любовь, которая идет напролом, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы, только бы получить в единоличное владение предмет своей страсти.

Уже на следующий день, полазив в Интернете, побывав на самых разнообразных пуделиных сайтах и убедившись в том, что пуделей много, а выбора, по большому счету, нет, я звонила в Москву, в «Эмерей» – единственный питомник, где в тот момент были щенки большого черного пуделя.

Допрос с пристрастием – вот, пожалуй, самое верное определение нашей беседе с владельцем питомника. Сколько мне лет? Сколько лет моей дочери? Знаем ли мы, что такое пудель вообще и большой пудель – в особенности? Зачем нам собака (добавлю: еще одна собака, ибо на тот момент в доме проживали три пуделя – два карлика и стандарт)? И почему бы нам не купить щенка в Тюмени, а не в Москве? Когда ответы на все вопросы были получены, нам сказали: хорошо, ждите!

Мы ждали ее месяц – я и моя дочь Лена. Мы придумали ей имя – Роскошная Цыпочка. Оно далось нам не сразу, в ежевечерних дебатах, в которых никто не шел на уступки.

– Это будет моя собака, – гордо вздергивала подбородок Лена, – как хочу, так и назову!
– Фигу! – не уступала я. – Кто платит, тот и музыку заказывает!

Роскошная Цыпочка устроила нас обеих – имя было таким многообещающим. Разве может не быть красавицей собака с такой кличкой?! Как вы яхту назовете... Мы даже приобрели на рынке кусок ковровой дорожки – для подстилки, а Лена очистила от вещей угол в своей комнате, освободив его для собаки, которой пока еще не было. В отсутствие Цыпочки на коврике спала кошка, еще не догадывавшаяся, что ожидает ее в самое ближайшее время.

Впрочем, не ожидал никто. Переговоры, подготовка к поездке в Москву – все держалось в строжайшем секрете. Даже бабушка, живущая в соседнем Екатеринбурге, и та оставалась в неведении. Ну, к чему вызывать лишние разговоры? Четвертая собака в доме – это уже повод задуматься о диагнозе.

Мне всегда непонятно: почему человек, который коллекционирует машины, картины, драгоценности, красивых женщин и прочее, и прочее, не вызывает ни удивления, ни возмущения? А люди, которые любят красоту в ином ее проявлении, устаиваются в лучшем случае сожаления, в худшем – негодования? Когда меня спрашивают, зачем мне столько собак, я всегда отвечаю: я не пью, не курю, не гуляю, не хожу по кабакам, не могу позволить себе каждый год ездить на море, потому что одной ехать скучно, а вдвоем с дочерью – накладно. Но должна же быть хоть какая-то радость в жизни?! Хоть какая-то отдушина?!

Говорят, человек может часами смотреть, как течет вода и горит огонь. Я могу часами смотреть, как играют мои собаки. Почему человек должен лишать себя маленьких радостей? Потому что кому-то они кажутся странными?

Лена нашла дежурный ответ на дежурный вопрос. Поскольку собаки как источник обогащения воспринимаются в нашем перевернутом вверх тормашками обществе лучше, чем

собаки как источник любви, то назойливым зевакам она отвечает так: продаем щенков, зарабатываем деньги.

– А-а-а! – с удовлетворением говорят они. Мол, тогда понятно, а то все о любви да о любви.

Начало начал

Первым моим пуделем была Бери – щенок большого белого пуделя. На дворе стоял 1973 год. Про пуделей я не знала ровным счетом ничего, и, наверное, во всем Свердловске, ныне Екатеринбурге, а жила я именно там, не набралось бы и трех человек, сведущих в этой породе. Да и собак можно было пересчитать по пальцам. Выбор на пуделя пал случайно: у знакомой девочки была пуделица (сейчас уже не помню кличку), привезенная из Москвы, ее повязали, родились щенки – 12 штук! Без родословной. Но тогда мне было все равно. Щенок стоил 35 рублей – бешеные деньги! Я начала откладывать по 20 копеек со своих завтраков. Ну и не только с завтраков. Экономила на всем! Накопила 25 рублей – невиданная для меня сумма! Родители, смирившись с моим «помешательством», в конце концов, добавили червонец, и я принесла щенка домой.

Надо сказать, что Бери – не первая собака в нашем доме. До нее у нас была восточно-европейская овчарка по кличке Джой-Пур – роскошный кобель 72 см в холке... Про него можно рассказывать отдельно, несмотря на то, что прожил он у нас чуть больше года: мы с братом, которому едва исполнилось 12 лет, а я была на год младше, не справлялись с этим вполне самостоятельным кобелем, считавшим себя хозяином в доме, а нас – мелочью, на которую можно не обращать внимания. Ни разу Пур не позволил себе показать нам зубы, а уж тем более укусить. Он нас очень любил! Но при этом просто ставил нас «в игнор», как сейчас принято говорить. У него было достаточно ума, чтобы понимать, что мы не можем с ним справиться физически. И издевался над нами в полном смысле слова. Придет, например, в зал, развалится посреди ковра – и лежит. А ему это было запрещено. Мы не могли его поднять никак! Брали за хвост и тащили в другую комнату, на его место. Он лежит – ноль эмоций. Не рычит, никаких проявлений недовольства. Затащим на коврик, хвост отпустим, – он встает и идет обратно в зал. А еще он не любил телевизор. Стоило включить, как он начинал громко лаять и прыгать на нас, требуя, чтобы выключили... Выключишь – успокаивается и ложится спать. Слушался только отца, понимая, что с ним не забалуешь.

Такое поведение, по большому счету, создавало большую угрозу для соседей, потому что, случись чрезвычайная ситуация, ни брат, ни я не смогли бы удержать собаку на поводке. А все предпосылки для возникновения таких ситуаций были: Пур все-таки любил нас, своих малолетних хозяев, и чуть что – бросался на защиту.

С Пуром пришлось расстаться. Такие серьезные собаки в то время в обязательном порядке состояли на учете в клубе служебного собаководства при ДОСААФ. И периодически армия закупала у населения щенков и молодых собак для службы на границе. Родители решили, что этот вариант – самый лучший....

Примерно через год у нас появился щенок фокстерьера по кличке Монморенси или просто Ренси. Забавная сумасшедшая собачонка, которая гоняла по всей квартире кошку, заставляя ее передвигаться исключительно верхами. В 4 месяца прямо у меня на глазах Ренси шагнула под колеса грузовика... После этого к охотничьим терьерам я не испытываю никаких симпатий и считаю, что держать их в городских квартирах в качестве собак-компаньонов – это преступление перед этими породами.

Первые неудачи не только не остановили, но, напротив, добавили масла в огонь. Так у меня появилась Бери.

Это была моя и только моя собака! По утрам я вставала и сама варила ей кашу, – Бери была нетерпелива, скулила, когда была голодна, и царапала когтями мои голые ноги. Будучи ребенком ответственным, я сама гуляла с ней, сама мыла. Но вот о том, что пуделя нужно расчесывать, как-то не догадывалась, а рассказать мне об этом было не кому. Морду стригли, как попало, но все-таки стригли – видимо, это заводчики (тогда и слова-то такого не знали!) мне объяснили.

Бери была настоящим шнуровым пуделем. Шерсть у нее на хвосте, и не только на хвосте, скручивалась в длинные шнуры. Однажды после очередного мытья мама решила все-таки ее расчесать – и выдрала всю шерсть. После этого Бери ходила с лысым, розовым, едва покрытым белым пушком хвостом. То же самое произошло с ушами, которые скатались до войлока, – мама их тоже «причесала». Так что красивой нашу Бери можно было назвать едва ли.

Зато эта собака была воплощением доброты. Идеальный характер! Я не помню, чтобы она что-нибудь сгрызла. Я не помню, чтобы она хоть раз зарычала. У нас был «трюк»: я поднимала ей губы, обнажая челюсти, и говорила: «Бери сердится!». Она вообще никогда не лаяла! Только по команде «Голос!».

К сожалению, жизнь ее была недолгой и драматичной. Тогда собак не вакцинировали в 2 месяца, как сейчас, да и сама вакцина была не идеальной – даже после прививки собака спокойно могла заболеть чумой (это был бич! – как сейчас клещи или энтерит), разница состояла в том, что привитая собака имела больший шанс выжить, чем не привитая.

Бери заболела, когда ей было месяцев восемь. Надо отдать должное моей маме – она таскала ее на уколы, лечила, как умела, и все-таки вытаскала. Но ненадолго. Чума дала осложнение на ЦНС. Сначала Бери подволакивала лапу – помню, как мама делала ей горячие ванны с хвойным экстрактом, и бедная собака без звука лежала в воде столько, сколько полагалось. Про уколы и лекарства я уже и не говорю... Но примерно год спустя у нее начались эпилептические припадки. Это было страшно! Сначала раз в месяц, потом раз в две – три недели, потом еженедельно. Потом ее стало бить практически каждый день... Летом я уехала в пионерский лагерь, – родители воспользовались моим отсутствием и прекратили ее мучения...

Когда деревья были большими

Жить без собаки я уже не могла. Поэтому со слезами уговорила родителей разыскать клуб декоративного собаководства, который тогда только-только отделился от служебного и ютился на правах пасынка то в каком-то ДК, то в ЖЭУ, то где-то еще. Помню, как зимой, по темноте, мы с мамой ходили по дворам, и прохожие в удивлении шарахались, когда мама задавала им вопросы о каком-то собачьем клубе. И нашли-таки! И записались на щенка малого черного пуделя.

О, эта запись! Сейчас заводчики могут о таком только мечтать. На дворе стоял 74-й или 75-й год. Очередь на пуделей составляла... Я даже не скажу – сколько, но нас сразу предупредили, что ждать щенка придется не менее 2-х лет. Я была согласна и на это! Но время шло, и энтузиазм моих родителей угасал. В общем, по истечении названного срока шансов получить щенка у меня оставалось все меньше и меньше. Спас случай.

Ближайшие родственники жили в Набережных Челнах – строили КАМАЗ. Там пуделей, как, впрочем, и других породистых собак, не было и в помине, и они попросили моих родителей приобрести им щенка в Свердловске. И когда пришла заветная открытка (кто помнит теперь, что тогда рассылали открытки с сообщением о том, что подошла ваша очередь на собаку, – как на подписное издание?!) отец поехал и купил щенка. Но не мне, а моей двоюродной сестре!

Я тогда училась в десятом классе. Зима 1978 года, середина февраля. Помню, вечером пришла из школы, открыла дверь, и навстречу мне выкатилось черное лохматое чудо! Я закричала так, что щенок шарахнулся в сторону, упала на колени, схватила его в охапку и сказала, что никому не отдам. А когда увидели, что в родословной в графе «дата рождения» стоит 21 декабря – мой день рождения, стало ясно, что эта собака может быть только моей!

В общем, родители обещали оставить мне щенка, если в клубе выделят второго – для родственников. Не помню, что я говорила руководителям клуба, как убеждала, наверное, плакала, но они пошли мне навстречу и выделили вне очереди второго щенка, который благополучно уехал в Набережные Челны. А у меня появилась Груня – Аграфена, Агриппина Дормидонтовна, лучшая собака в мире!

Лучшей она была, конечно, для меня, а с точки зрения экстерьера – вполне средненькая собака. Мне даже предлагали отправить к родственникам именно ее, а себе оставить ту, вторую, у которой родители имели класс «Элита». Но я уже не могла отказаться от Груньки.

Отцом ее был привозной москвич по кличке Грей. С ним тогда перевязали чуть не всех свердловских сук – считалось, что московские собаки на порядок лучше, чем в провинции, поэтому стоило появиться заезжему столичному кавалеру, как к нему тут же выстраивалась очередь невест. Впрочем, породы Грей не улучшил – щенков давал растянутых и, в большинстве своем, прямоногих. Мать – не помню. Зато в дедах присутствовал Блекки-Блям, пудель известного писателя Бориса Рябинина. Мы, свердловские и не только собачники семидесятых, выросли на его книжках. «Твои верные друзья», «Друг, воспитанный тобой», «Советы собаководы»... Это сейчас «собачья» литература лежит во всех книжных магазинах, а тогда, в 70-е года XX столетия, она была на вес золота. Тем более что Борис Рябинин, собаковод со стажем, рассказывал о своем собственном опыте.

С «дедушкой» нам довелось как-то случайно столкнуться на трамвайной остановке – это была единственная встреча и с собакой, и с писателем.

Ой, про Груньку, прожившую у нас 13 лет, я могла бы рассказывать бесконечно! Любимейшая собака, о которой мы вспоминаем до сих пор! Умница! Мудрая... Преданная...

С ней мы начали ходить на мои первые выставки. Выставки тогда проводились только летом и только в парке им. Маяковского, на какой-то поляне. И никаких клещей мы не боялись – даже не подозревали об их существовании! Пуделей, как ни странно, приходила чертова туча! Сегодняшние организаторы могут о таком количестве только мечтать. В нашем классе, к примеру, выставлялось порядка двадцати собак. И стоило это удовольствие всего-навсего пять рублей.

О качестве пуделей, их подготовке и внешнем виде я, конечно, помолчу. Стригли, как умели, чесали тоже. Мне, к примеру, руководители секции говорили так: после мытья сушить надо с феном. При этом как именно сушить – никто не объяснял. Ну и... не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

А шерсти у Груньки было море! Чесали обыкновенной расческой, мыли обыкновенным мылом... Какие там шампуни! Какие бальзамы, от которых сегодня ломаются полки зоомагазинов, – для длинношерстных собак, для короткошерстных... В нищем Свердловске, да и в Москве эпохи застоя ничего этого не было и в помине! Собаку водили в обыкновенном кожаном ошейнике и не страдали оттого, что шерсть вытиралась, потому что она просто не вытиралась!

Да, в детстве и деревья были выше, и трава зеленее... С точки зрения экстерьера Груня, конечно, была ниже среднего – морда кирпичом, глаза круглые, задние ноги прямые. Но на выставки мы все же ходили. Насчет ног я как-то сразу смекнула, что надо изобразить ей «штаны». И поскольку шерсть позволяла, то изобразила: выстригала колена. Бегать лучше она от этого, конечно, не стала, но экспертиза тогда была – нынешней не чета. Никто собачку особо не щупал – ну, есть коленочка и есть, и замечательно.

Помню, поехала на выставку в соседний Первоуральск. Эксперт поставил Груньке «оч. хор.» и спрашивает меня: а что она у вас в Свердловске получала? Мне бы соврать, да я была девушка честная, призналась, что «оч. хор». Эксперт вздохнул с облегчением... Мол, не промахнулся, не ударил в грязь лицом.

В детстве я мечтала стать дрессировщиком в цирке. Вместо этого поступила в университет. Нереализованность «мечт» отозвалась на Груньке: я ее дрессировала и выступала перед друзьями и родственниками. Грунькино выступление входило в обязательную программу всех праздников и посиделок. Она умела считать, танцевать, прыгать, кувыряться, делать «Пух!» – то есть умирать по команде, ну и многое, многое другое. И это всегда вызывало бурю восторга.

А еще она умела закрывать за собой дверь. Это выглядело так: сижу я в своей комнате, входит Груня, – дверь, естественно, открывается. Говорю ей: Груня, закрой! Она идет, мордой отпихивает дверь от стены, потом встает на нее передними лапами, и под ее тяжестью дверь закрывается. Если прикрывалась неплотно, я говорила: хорошо закрой! Грунька возвращалась, снова поднималась на задние лапы и передними прижимала дверь. Ни одна моя нынешняя собака на такое неспособна! (Хм, надо попробовать...) А если учесть, что я приучила ее делать это за семечки, которые она обожала... Подружки визжали от восторга!

Начала вспоминать, – и в памяти всплывают какие-то мелкие подробности, о которых, казалось бы, давно и напрочь забыла. Ну, вот, к примеру, то, что в мое отсутствие спать Груня любила на кровати. При этом обязательно подгрребала под себя покрывало, одеяло, мастерила уютное гнездышко и устраивалась сверху. Хотя по ночам, насколько я помню, в постели со мной не спала.

А еще, состарившись, она храпела во сне. Вечерами я смотрела телевизор, сидя в кресле-качалке. Груня забиралась ко мне на колени, удобно устраивалась, засыпала и... Храп стоял на всю комнату.

Груньку обожала моя бабушка, которая жила с нами. Она могла не покормить внучку, вернувшуюся из школы, но забыть про Груню – нет, это было невозможно! А еще она брала ее с собой на улицу – посидеть на скамейке. Одной скучно – других старух в подъезде не было, а с собакой – в самый раз. Что удивительно – гуляла Груня всегда без поводка, но не было случая, чтобы убежала. Делала свои дела, возвращалась к подъезду, запрыгивала на скамейку и чинно сидела рядом с бабушкой.

Даже по городу она ходила со мной без поводка – сейчас такого и представить не могу! Не отходила от ноги, шла, как привязанная! Ее невозможно было потерять, потому что даже если вы о ней забывали, что иногда происходило с моим отцом, который очень любил гулять с собакой, то она о вас не забывала никогда!

Забегая вперед, скажу, что, когда я уехала в другой город, оставив Груню у родителей (жила первое время в общежитии, забрать не могла, да они мне ее и не отдавали), а бабушка умерла, родители частенько выпускали собаку погулять одну. Ее знала вся округа, никогда никто не обижал, а соседи открывали дверь, когда, погуляв, она возвращалась домой. Если никого не было, Грунька лаяла у подъезда, и кто-нибудь из родителей, услышав, спускался, благо жили на втором этаже, и приводил ее домой.

Конечно, собака в доме – это особый случай... Помню, как мы ее кормили. Аппетитом хорошим Груня «не страдала». Это сейчас я бы сказала: оголодает – поест! Не сдохнет! Но тогда... Кормление превратилось в ритуал. Каша варилась обязательно полужидкая или разводилась супом, молоком и т. д. На шею Груне повязывалась салфетка – у нее была своя, персональная, я садилась на пол с ложкой в руках и приступала к кормлению. Одной рукой открывала ей пасть, второй – вливала ложку пищи. И так – пока не заканчивалась еда. Груня относилась к экзекуции по-философски и с пониманием. Надо – значит, надо. Спокойно открывала пасть, спокойно проглатывала все, что туда попадало, не сопротивлялась, не пыталась убежать. После еды позволяла вытереть себе морду салфеткой и, сытая и довольная, ухо-

дила в комнату. Конечно, когда я уехала, кормить подобным образом ее перестали – и надо же! Не похудела!

Несмотря на свой довольно таки приличный размер – полагаю, что роста в Груне было сантиметров 40, – и вес, эта собачка ужасно любила вечерами спать у меня на коленях. Телевизор я смотрела, сидя в кресле-качалке. Груня удобно устраивалась на мне и храпела, как настоящий мужик, – на всю комнату, порой заглушая звук телевизора.

А еще смешно вспомнить, как ее стригли и расчесывали. Эти процедуры Груня, разумеется, не любила, но терпела. К тому же безумное количество шерсти плохо поддавалось расческе-массажке и тупым ножницам. Не обходилось и без порезов, особенно на морде. Закончив стрижку, я говорила «Груня, иди, покажись маме!». Грунька бежала на кухню, вываливала язык и, пыхтя, начинала крутиться перед мамой – и так, и этак, всем своим видом показывая, какая она красивая. В этот момент у нее была не морда, а самое настоящее лицо, на котором было написано удовольствие. А мама еще и нахваливала: «Ай, Груня! Ай, какая красивая!». Хотя чего уж там, как я сейчас понимаю, было сильно красивого...

А вас, Штирлиц, я попрошу остаться

В период бессобачья к нам случайно забрел кот. Он был совершенно черным, только узкий белый галстук на шее. В это время по телевидению как раз шел сериал «17 мгновений весны», и брат прозвал кота Штирлицем. Умнейшее было создание! Он прожил у нас года три, не был кастрирован, но ни разу нигде ни в одном углу не оставил ни одной отметины. Когда мы переехали в другую квартиру – ту самую, на втором этаже, он стал ходить на улицу. Летом дверь в подъезде не закрывалась, поэтому выходил и входил Штирлиц свободно. Но как! Выйдешь на балкон, кликнешь: «Штирлиц, домой!». Он из кустов: «Мяу!». Выходит – и в подъезд! Уникум!

Так вот, когда появилась Груня, кот жил у нас уже примерно год и, разумеется, считал себя хозяином в доме. Но щенка он не обидел ни разу! Сейчас наши кошки без зазрения совести могут подойти к собачьей чашке, отодвинуть хозяев и поесть чужой корм. Могут гонять щенков, и даже знаю случаи, когда коты нападали на собак – один такой случай закончился смертельным (для щенка) исходом. Но Штирлиц был настоящий джентльмен! Груня могла спокойно есть из его чашки, а он сидел и ждал, когда она насытится. Он мог сопровождать нас на прогулке, причем всегда шел на полметра впереди и охранял Груньку! Если на горизонте вдруг появлялась чужая собака, Штирлиц вставал в боевую стойку, хвост поднимал трубой и ощетикивался в полном смысле слова. А как они играли! – валялись вдвоем на широкой родительской кровати, покусывая друг друга и облизывая друг другу морды! Это была просто уникальная парочка!

К сожалению, у Штирлица внезапно появилась опухоль в животе, и он умер буквально через три дня после того, как мы ее обнаружили. Больше кошек в родительском доме не было, и Груня осталась одна...

По характеру она была тихушница. В том смысле, что любила исподтишка укусить. Конечно, не своих – этого она себе никогда не позволяла. Даже когда у меня родился сын и по малолетству Груню, бывало, обижал – мог, например, загнать в угол и давить машинкой, Грунька рычала, страшно скалила зубы, но ни разу не тяпнула. Хотя надо было бы... Но чужих грызла запросто. Даже тех, кого знала, – к примеру, моих подружек. Причем делала так: заходит девчонка в квартиру, раздевается, Груня виляет хвостом, не лает и, уж конечно, не кидается. Но стоит расслабиться – тяп зубами за ногу! Сколько колготок порвала... Не любила и чужих маленьких детей – кусала, не стесняясь.

Когда приходило много гостей, Груня их «пасла»: сидела под столом и внимательно наблюдала за ногами. Если, по ее мнению, кто-то делал лишнее движение, в ход тут же шли зубы. Не то чтобы она рвала и грызла, нет. Один моментальный укус – не столько болезненной, сколько неприятной. Рваных ран не оставляла, а вот синячок на память... И ничего нельзя было с ней поделать!

Однажды в гости пришла мамина приятельница. Села в комнате в кресло. Груня лежала в прихожей напротив и внимательно за ней наблюдала. Не знаю, чем женщина ей не понравилась. Наверное, слишком пристально посмотрела ей в глаза. Впервые в жизни я увидела, как Груня со злобным рычанием кинулась на человека... Хорошо, что я оказалась рядом и перехватила собаку буквально в полете.

Но на улице Грунька не трогала никогда и никого! Не знаю, правда, как бы она поступила, если бы была реальная угроза... Слава Богу, что такой ситуации ни разу не возникло. Хотя... было однажды. Правда, защищала она нас не от человека, а... от коровы.

Дело было так. Как-то раз отправились мы с мамой в лес за ягодами. Машин, как вы понимаете, в личном пользовании тогда почти ни у кого не было, у меня и сейчас из личного транспорта только велосипед и тот без цепи, так что поехали мы на электричке. Ну и, разуме-

ется, прихватили с собой Груньку. Сейчас бы мне и в голову не пришло взять собаку на целый день в лес – клещей собирать. А тогда такого засилия этих тварей не было. День выдался неудачный – пошел дождь. Обратная электричка – только вечером: хочешь – не хочешь, из леса не выйдешь. Промокли мы насквозь, несмотря на то, что я была в штормовке (нынешняя молодежь уже и не знает, что это такое), а мама – уж и не помню в чем. А Грунька бедная... Мокрая, вода с нее льется, замерзла, дрожит... А куда деваться? Дождь, как из ведра.

Груня, надо сказать, очень любила собирать чернику – ела прямо с кустов: стоит и ягодки обирает. Такая сладкоежка! Но тут уж не до черники. Решили мы дойти до ближайшей станции, чтобы там под навесом каким-нибудь спрятаться и электричку подождать.

Идем по лесу и вдруг навстречу нам – коровы. Грунька их сроду не видела. А одна попала такая любопытная: увидела людей – и напрямик к ним, то есть к нам. Уж не думаю, что ее собака заинтересовала. Что она, у себя в деревне, – собак не видела? Как сейчас помню: идет такое молчаливое чудовище с рогами прямо на нас, жует свою жвачку. Мне – и то не по себе стало. А Груне каково? Она, бедная, вся изошла на лай. Лает на корову, а та идет, Груня лает, а та идет. Груня сначала пыталась это непонятное чудовище на расстоянии держать, но та наступает, а собака все пятится, пятится, вот уже в ноги мои уткнулась задом – и все! Дальше идти некуда, позади Москва, то бишь – любимые хозяева! Господи, как она отчаянно вопила от страха, но так и не бросила нас! Представляю в этой ситуации своих нынешних королевичей – да сбежали бы обе к едрене фене!

Но все закончилось благополучно. Корова в последний момент отвернула, коррида не состоялась, Груньку я взяла на руки и до станции несла, прижав к себе, потому что собаку от страха и холода уже колотило. Удивительно, что ни мы, ни она после этого приключения даже не чихнули. Но эта история с коровой навсегда осталась у меня в памяти. Когда недавно я рассказала ее своей маме, та удивилась – она не помнит.

Тебя, как первую любовь...

Прошло время, Груня выросла, пришла пора выдавать ее замуж. К тому времени у меня прочно сформировалось мнение, что щенки должны быть с родословной. А, может, просто не было рядом подходящего кобеля, чтобы обойтись без помощи клуба... Или потому, что и через клуб щенки уходили влет... Черт его знает, почему, но замуж решили выходить официально. Получили направление на вязку и поехали к кобелю. Это сейчас ничего не стоит отправиться выдавать собаку замуж аж в другую страну, во всяком случае – в другой город запросто. А тогда даже поездка в другой район – уже была подвигом. Кто знает Свердловск, знаком с его расстояниями. Не Москва, конечно, но тоже существенно. Как раз в то время побывала в Молдавии, в городке Бельцы – это полчаса езды от Кишинева. Чтобы примерно рассказать друзьям, меня принимавшим, насколько большой у нас город, объясняла: из одного района в другой – как от Кишинева до Бельц и обратно.

Так вот поездка на вязку – это как раз такой случай: с ВИЗа на Уралмаш. Главной по вязкам у нас, конечно, была мама. Моей «детской психике», как сейчас говорит моя дочь, урон наносить никто не хотел, так что как там все происходило – не знаю. Но, наверное, хорошо, потому что когда Груню повезли на «контрольный выстрел», от трамвая до дома, где жил «муж», она бежала на натянутом поводке. Итогом этой встречи стало рождение... восьми щенков!

Меня в это время дома не было, зарабатывала «на жизнь» в стройотряде. Знаю только, что на второй или третий день после родов у Груни началась родовая горячка. Щенков пришлось отнять, и родители по очереди каждые два часа кормили их из пипетки! Но выкормили, не погиб ни один. Когда в конце августа я вернулась домой, по квартире носилось стадо черных барашков. Топот стоял...

Забавно было наблюдать процесс кормления. Мама ставила на пол в кухне несколько суповых тарелок с кашей, барабанила по линолеуму пальцами и звала: «Детки! Детки!». И детки мчались из моей комнаты через всю прихожую, падая на поворотах...

Раскупили у нас их очень быстро – пудель все-таки в начале восьмидесятых был очень популярен.

Всего Груня рожала дважды и оба раза по восемь штук.

В 1983 году после окончания университета я по распределению уехала в Тюмень. Думала – года на три... Оказалось, что навсегда. Груня осталась у родителей. Сначала я жила в общежитии, где держать собаку мне бы никто не разрешил, потом вышла замуж, родился сын, так что какое-то время было не до собаки. Но все-таки время от времени я привозила ее

к себе. И сейчас-то в поезде иногда сталкиваешься с проблемами, а тогда возить собак в плацкартном вагоне вообще не разрешалось – только в тамбуре, и нет никому никакого дела, что пуделя в тамбуре не привяжешь, и всю ночь, а поезд «Свердловск – Тюмень» был ночным и шел восемь часов, возле него сидеть не будешь. Поэтому Груню я сажала в большой рюкзак, с которым ездила еще в стройотряд, и проносила в вагон тайком от проводника. Потом выпускала и укрывала одеялом от посторонних глаз. Благо, что собака была на удивление тихая и спокойная, – ни разу никто ее не засек и не попросил выйти вон.

Да что там поезд – мы и в кино с ней ходили! Посадили однажды в большую сумку из плащевки – помните, тогда такие были хозяйственные мешки? – и пронесли в зал, а потом я держала ее на руках. И никто не заметил! Однажды мы с дочкой провели такой же эксперимент и прошли в кинотеатр с собакой, закутав ее в куртку и взяв подмышку. Но то был карлик, а Груня – нормальный малый пудель, к тому же весьма упитанный!

Как-то раз, когда Груня жила у меня в Тюмени, нам с мужем понадобилось на три дня съездить в Курган, к родственникам. Чтобы не создавать себе лишних сложностей, не возить ребенка и собаку одновременно, решили Груньку оставить дома. Ключи передали соседке, жившей напротив, – чтобы гуляла и кормила. Соседку, часто у нас бывавшую, Груня знала. Каково же было наше удивление, когда, вернувшись через три дня, мы узнали, что собака не пустила ее в квартиру! Стоило соседке подойти к двери и вставить ключ в скважину, как Груня начинала истерически кидаться, рычать и лаять. И никакие уговоры не помогали. Зная, что собака наша, не задумываясь, пустит в ход зубы, соседка войти не рискнула. И Груня три дня сидела взаперти! При этом единственное, что она сделала, – порвала простыню на кровати – с таким, видимо, усердием устраивала себе гнездо на постели любимой хозяйки. И ни одной лужи! Ни одной кучки! А как она радовалась моему возвращению! Я часто сравниваю ее с моими нынешними карликами, которым ничего не стоит выйти утром из комнаты и присесть в прихожей, не дожидаясь, пока с ними погуляют. Груня даже в старости ни разу себе такого не позволила. Умирая, выползла в прихожую...

Пишу об этом и слезы на глазах... Столько лет прошло, но Грунечку я не могу забыть до сих пор. Никогда больше у меня не было такой умной, такой преданной собаки, как она...

Груня не дожила двух месяцев до своего тринадцатилетия. Умерла в Свердловске – у родителей. В последний день, видимо, почувствовала себя совсем плохо, потому что уже не поднималась и стонала. Пытаясь облегчить ее страдания, мама дала ей таблетку снотворного, чтобы собака поспала. Груня уснула навсегда...

Мне позвонил отец – помню, это был ноябрь 90-го года... Рыдала так, как будто умер самый близкий человек...

В поисках радости

В это время у меня уже был другой пудель. Поскольку Груню родители отдавать не хотели, а жить без собаки уже стало невозможно, я решила взять щенка. О породе даже не задумывалась – только пудель! Вопрос – где взять? В свердловском клубе мне дали ясно понять, что в Тюмень щенка не отдадут – самим не хватает (господи, было же такое время!), а у нас в городе пуделей не было. Я специально сходила на выставку ДОСААФ, которая традиционно проводится в мае, и увидела лишь одного страшного черного кобеля по кличке не то Атос, не то Артос... Что-то такое... Невообразимое... Оскорбляющее мои эстетические чувства... Ну и, разумеется, пуделями, к которым «служебники» всерьез никогда не относились, никто вообще не занимался.

Для начала стоит рассказать о том, как я искала клуб собаководства. Поскольку в Тюмени я тогда знала лишь три улицы – ту, на которой жила, ту, где работала, и центральную, то найти клуб было делом практически нереальным. Я останавливала на улице каждого, кто шел с более-менее породистой собакой, – как правило, это были овчарки, и интересовалась адресом. Чаще всего на меня смотрели как на сумасшедшую. Ну, или, в лучшем случае, недоуменно пожимали плечами. В общем, вели себя, как партизаны на допросе. Наконец, кто-то проговорился, и я отправилась на поиски. А когда нашла, оказалось, что «служебники» именно в этот момент решили избавиться от декоративных пород, и где они теперь базируются – одному Богу известно.

Я продолжила поиски, и удача улыбнулась: «декоративники», отделившись, создали свой клуб «Фауна» и обосновались в Д/к железнодорожников, где и собирались в какие-то, сейчас уже и не вспомню, в какие дни.

Пуделями в «Фауне», естественно, тоже никто не занимался. По одной простой причине: на учете не было ни одной собаки – даже того самого Атоса-Артоса. На вопрос, где взять щенка, ответить никто не мог. Зато, отдав должное моей активности и напористости, мне предложили организовать секцию пуделей, сформировать очередь и привезти собак из Москвы. Только в столице, проявив определенную хитрость и изворотливость, можно было приобрести искомое и вывезти на периферию – москвичи, как известно, не слишком любят отдавать то, что есть только у них.

Вот так началась история пудель-клуба в Тюмени.

Не помню, как, с чьей подачи, но мы вышли в Москве на некую Анну Д. Тогда я и подумать не могла, что собаками могут заниматься аферисты чистой воды... Считала, что любовь к собакам у всех такая же искренняя и далекая от материальной выгоды, как у меня. Договорились, что я приезжаю, и она сводит меня с заводчиками, у которых на данный момент есть интересующие меня щенки.

В Москву я приехала накануне Нового 1988 года. Декабрь. В Москве слякоть и мерзость. Встретила меня Анна, повезла по всем адресам. Сначала туда, где были абрикосовые щенки. У заводчиков оставалось две суки – как раз то, что мне надо. Но отдавали они только одну – с белым пятном. Вторую решили немного придержать. Договорились, что если в Москве ее не купят, то я приеду еще раз.

Всего я везла из Москвы одну серую, одну абрикоску, двух коричневых и двух черных – шесть щенков!

Прежде чем рассказать про эту эпопею, скажу, почему назвала Анну аферисткой. Дело в том, что коричневые щенки не имели родословных, и Анна, зная об этом, заранее предупредила хозяев, чтобы они мне ничего не говорили. Тогда не было такой системы, как сейчас, когда при покупке щенка ты получаешь щенячью карточку, а то и готовую родословную. К тому же я еще была не слишком искушенным собачником и не ждала такой, грубо говоря, подставы.

Представьте мое состояние, когда через несколько дней после возвращения из Москвы мне позвонила хозяйка щенков и призналась в обмане! Обидно было тем более, что коричневая сука предназначалась для моей сестры, собиравшейся ходить с ней на выставки! Я была в шоке. Начала звонить всем остальным продавцам. Выяснилось, что щенячку на серебристого щенка Анна зачем-то забрала себе – может и, скорее всего, хотела «срубить» за нее денег. Знаю, что хозяева потом долго выбивали с нее этот документ, вплоть до того, что кто-то из их коллег – мужчин, будучи в Москве в командировке, встречался с Анной и даже угрожал ей открытым текстом. Но, в конце концов, щенячка была получена.

Дуракам закон не писан

Ну, а теперь о том, как я везла шесть щенков в одной хозяйственной сумке! Кто сегодня готов повторить такой подвиг?

Я решила совместить приятное с полезным: из Москвы обратным рейсом вместе со щенками долететь не до Тюмени, а до Омска, где в это время служил в учебке мой «забритый» в армию муж, снять гостиницу, встретить с ним Новый год (в том, что его отпустят в увольнение, я почему-то по наивности своей не сомневалась) и на следующий день поездом вернуться в Тюмень. О том, что все это время компанию мне будут составлять шесть щенков, напуганных, голодных, скулящих, скучающих по оставленным в Москве мамам, как-то не думалось.

Не помню, как я грузилась в самолет, – видимо, последующие события выбили у меня из памяти столь незначительный момент. Помню только, что рейс был вечерний, и уже спустя три часа, когда в Омске пробило десять, мы приземлились в аэропорту.

Омичи, успевшие до наступления Нового года вернуться в родной город, испарились мгновенно. На автобусной остановке я осталась одна. Изнеженные столичные щенки, в самолете мирно спавшие в теплой сумке, быстро подмерзли на нештучном сибирском морозце и запросились наружу по своим нехитрым детским надобностям.

Картинка была еще та: странная тетенька в объемном «бартерном» китайском пальто на лебяжьем пуху, раскидав по снегу свои вещички, собирает в сугробах разноцветных щенков, разбегающихся в разные стороны, и запикивает их в большую сумку.

Когда, не дождавшись автобуса, я все-таки взяла такси, водитель всю дорогу до города кидал удивленные взгляды в зеркало, пытаясь понять, кто издает на заднем сиденье столь странные звуки. Удивление усиливалось еще и тем, что пунктом назначения была не конкретная улица и дом, а некая воинская часть, расположившаяся за цирком в центре города.

На КПП, как и следовало ожидать, дежурили только рядовые – офицеры уже готовились встречать новый год. В теплое помещение меня не пустили – не положено, хотя о терроризме в то время и слухом не слыхивали, а повизгивающих в сумке щенков вряд ли можно было, будучи в здравом уме, принять за взрывное устройство. С трудом, но все-таки я втолковала горе-вожкам на посту, к кому и зачем приехала. После недолгого совещания они решили вызвать дежурного офицера. Все это время я чувствовала себя не лучшим образом – стрелки часов неумолимо приближались к двенадцати, щенки замерзли, проголодались и устали, и их возмущенный скулеж почти не прекращался. Да и самой мне было отнюдь не жарко топтаться на снегу у ворот в ожидании неизвестно чего.

Дежурный офицер появился минут через десять – и весьма недовольный, видно, вытащили из-за праздничного стола. Выслушал мои сбивчивые объяснения: мол, хотела увидеть такого-то из такого-то отделения такой-то роты. Посмотрел, как на идиотку. И убил наповал: сегодня утром все отделение отправлено на постоянное место службы в Итатку. Глухой такой поселок ракетчиков недалеко от Томска. В ответ на мой отчаянный возглас пожал плечами и ушел.

Теперь представьте. Ночь, полчаса до Нового года. Чужой город. Я стою в полном одиночестве у закрытых ворот воинской части, а в сумке копошатся шесть безнадежно замерзших щенков. Я не могла даже плакать: во-первых, слишком замерзла, во-вторых, глупо рыдать, когда тебя никто не видит. Нужно было решать, что делать дальше.

Можно было дойти до гостиницы, снять номер, встретить новый год с бутылкой дефицитного шампанского, купленного в Москве, отдохнуть и утренним поездом вернуться в Тюмень. Но я выбрала другой путь: дошла до дороги, поймала такси и поехала на вокзал. Можете представить себе такую авантюристку?! Никто в целом мире не знал, что я в Омске! Исчезни я сейчас на этих занесенных снегом улицах – меня никто не хватится как минимум несколько

дней, пока не кончатся новогодние праздники. Даже родители, потому что в Тюмени у меня тогда не было домашнего телефона, а о сотовых мы и знать ничего не знали.

На вокзале, несмотря на новогоднюю ночь, народу хватало. Очередь в кассу была приличная. Я покорно пристроилась в хвост, пристроив у ног сумку с угомонившимися щенками. Они, по-моему, уже смирились со своей судьбой.

Самые непоседливые, впрочем, тут же закопошились, пытаюсь выбраться наружу через небольшой проем не застегнутой до конца молнии, оставленный, чтобы детки могли дышать. Я склонилась над сумкой, запихивая обратно то одну, то вторую любопытную морду. В этот момент кто-то тронул меня за плечо...

Я выпрямилась и обернулась. Напротив меня стоял удивительно знакомый солдатик в грубой шинели, с голой шеей, торчащей из ворота гимнастерки, в уродливой казенной форменной шапке. Как выяснилось потом, окончившие учебку младшие сержанты с утра торчали на вокзале в ожидании поезда на Итатку, который должен был придти лишь ранним утром следующего дня! Отцы – командиры предпочли сбросить обузу со своих плеч задолго до Нового года, чтобы потом среди ночи не бросать застолье и не везти их на вокзал. На меня в тот день часто смотрели как на идиотку. Вот и сейчас народ расступился в изумлении, когда мирно стоявшая в очереди девушка вдруг ни с того ни с сего начала обниматься с подошедшим со стороны солдатом...

Он опознал меня по тому самому бартерному китайскому пуховику. Сказал сослуживцам: «О, у моей жены такое пальто. Да и шапка у нее такая же... И вообще это моя жена!»

Новый год мы встретили на скамейке в зале ожидания. Шампанское из Москвы я тащила не зря – всем досталось по чуть-чуть. Кроме командира – молодого лейтенанта, который смотрел с плохо скрываемым подозрением, когда муж представлял ему меня: «Это моя жена! А это моя собака!». И гордо продемонстрировал абрикосового щенка.

Какая жена?! На вокзале! В Омске! В новогоднюю ночь! С кучей собак в сумке! Сейчас такое и представить трудно...

Мой поезд пришел через час. Утром я уже была в Тюмени. К вечеру у меня оставалась только коричневая девочка, которая должна была уехать в Свердловск, к моей сестре. Но не прошло и двух недель, как я снова отправилась в Москву – теперь уже за своей собакой. Но это уже совсем другая, не такая захватывающая история.

Три зарплаты за щенка

Звали ее Арника Дан – по папе немка, по маме – чешка. Перед самой поездкой мне пришлось обсудить этот вопрос со своей мамой, поскольку двухлетнего сына в отсутствие папы, служащего в далекой Итатке, нужно было вновь отправлять к родителям. Идею приобретения собаки мама почему-то не одобряла, но поскольку спорить со мной было бесполезно (в конце концов, я уже была достаточно взрослой и самостоятельной), то лишь поинтересовалась ее стоимостью. Щенок стоил бешеных денег – 300 рублей! Плюс 70 рублей на самолет до Москвы и обратно. При том что оклад у меня, молодого специалиста, был всего 126 рублей. Три зарплаты! «Ужас!» – сказала мама. Пришлось напомнить, что буквально накануне нашего разговора отец купил себе новый радиоприемник последней модели (он всегда покупал себе новейшую аппаратуру) за те же деньги. «Ну, так он сам зарабатывает», – привела странный довод мама. Странный, потому что к тому времени я уже четыре года жила самостоятельно и собаку собиралась покупать, разумеется, на свои кровные.

Подробностей этой поездки я, честно говоря, не помню. Она не была столь экстремальной, как первая. Я спокойно долетела до Москвы, спокойно доехала до заводчиков, взяла щенка и отправилась обратно в аэропорт. И только один момент запомнился... В метро возить собак тогда запрещалось. Но на мне был все тот же объемный китайский пуховик – за пазухой у него поместился бы не один щенок, так что пронести пуделенка мимо бдительных дежурных метрополитена и спуститься по эскалатору вниз на платформу большого труда не составило. В вагоне щенку стало жарко. Представляю, что подумали обо мне пассажиры, когда моя «пышная грудь» вдруг зашевелилась! А потом на свет Божий появилась щенячья голова, увенчанная, словно одуванчик, рыжей шапочкой, два черных глаза и забавная бритая морда. Надо было видеть, как расцвели улыбками мои случайные попутчики! «Щенков стоит возить в метро, хотя бы ради того, чтобы люди улыбались!» – подумала я тогда.

Что я помню об этой собаке? Она была моим вторым ребенком. Любимым. Потому что с сыном были проблемы, а с ней – нет. На него я могла кричать и ругаться – с ней разговаривала с одной лишь лаской в голосе: Арнюша, Нюся. Помню, приводила ребенка из садика, готовила ужин, усаживала его за стол и одновременно кормила собаку. Это был, напомним, 1988 год. Ни о каких кормах мы тогда и знать ничего не знали. Может, в Москве что-то уже и появлялось, а в Тюмени эра «Педигри» и «Вискаса» наступила лишь 4—5 лет спустя. А тогда я либо варила кашу, либо давала то, что если сами – суп, макаронны и т.д., обязательно добавляя мелко нарезанную колбасу, поскольку мясо в голодной Тюмени в отличие от сытой столицы давали исключительно по талонам – 1 кг на человека в месяц. Впрочем, и колбасу тоже по талонам, как и масло, и мыло, и водку, и многое другое. Господи, неужели такое когда-то было?!

Так вот, сын считал, что Арнику я кормлю вкуснее, чем его, и требовал, чтобы я непременно крошила ему в тарелку колбасу – так же, как Нюсе. Слава Богу, что ел, сидя за столом, а не на полу рядом с собакой. Когда начинал вредничать, я пугала его, говоря, что отдам его еду Арнике.

В Свердловск ездили часто, – Арника неизменно нас сопровождала. В конце восьмидесятых стало легче с провозом собак. Как бы то ни было, оставлять ее в Тюмени было не с кем. Груня новую жилищку восприняла с философским спокойствием – во всяком случае, не припомню, чтобы она хоть раз на нее зарычала или как-то иначе проявила свое неудовольствие. Может, потому, что Арника приезжала и уезжала и ни на что не претендовала?..

Совершенно однозначно – эту собаку я привезла для участия в выставках. В Тюмени их тогда проводили две в год: ДОСААФ и «Фауна». Так что пришлось учиться сушить, мыть и стричь. Машинки не было – а где бы ее взять? Ножниц нормальных – тоже. Про щетки я вообще не говорю. Кажется, заводчица поделилась со мной пуходеркой – на деревянной ручке, длинная железная... как бы поточнее выразиться... щетина, которая в кровь рвала пальцы, а не только собачью кожу и шерсть. Если долго чесать, на большом и среднем пальцах оставались мозоли. Но ничего, справлялись. Но зато к этому времени я уже знала, как полагается сушить и фенить! И это уже было достижением.

Помню, Нюсе было месяцев пять – шесть, и у нее никак не выпадал один клык. Вечерами я брала ее на руки и расшатывала этот чертов зуб. Дело было в Свердловске. Мама посмотрела, как я маюсь дурью, и сказала: «Лучше бы ребенком занялась!». «Ребенок у меня бесплатный, – недолго думая, возразила я, – а собака триста рублей стоит!».

Дерните стоп-кран, пожалуйста...

Сейчас я понимаю, что собака (если смотреть с высоты развития породы сегодня) была откровенно очхоровской – прямоватые ноги, короткая морда, широкий череп, круглые глаза. Но тогда... абрикосовый пудель – вот такой, как у меня, – ухоженный, подстриженный, начесанный... Это была картинка! Лучше нее в Тюмени, да и в Свердловске, на тот момент не было. До 91-го года, когда в страну просто хлынули собаки современного типа, оставалось еще несколько лет.

Разумеется, на всех выставках мы получали оценки «отлично» и даже занимали первые места. С Арникой я начала ездить и в другие города – в Екатеринбург, в Киров, в Москву...

Поездку в Киров запомнила надолго. Во-первых, помню, что там было невероятное количество коричневых карликов. Были ли они местного разведения или нет, какого уровня – судить не берусь. Но то, что их было много – это точно. Но тогда я к коричневым была как-то равнодушна. У двоюродной сестры жила коричневая Габи – та самая, без родословной, привезенная мной из Москвы. У нее был очень насыщенный, цвета темного шоколада окрас, темные глаза, и сама она была хорошего типа – квадратная, крепкая, с красивой головой, пожалуй, лучше, чем моя Арника. Но... без родословной. Зато у нее был отвратный характер – дома она рвала и грызла все подряд, ела детские носки, трусики, даже юбки и платья, при этом ни в какую не оставалась одна, выла и лаяла, даже выгрызла дверь – до дыры! В общем, это был ходячий кошмар. После того, как соседи, которым надоело слушать, как собака целыми днями лает и воет в пустой квартире, выбили дверь, сестра собралась с духом, поехала на рынок и Габи продала. И ведь продала же! Взрослую! Страшно подумать, что с ней стало потом...

Но вернемся к Кирову. Мы чего-то там получили – оценку «отлично», даже, помнится, вышли в какое-то сравнение, но бестов никаких тогда не было, и чего меня туда понесло – вообще непонятно. На обратном пути поезд остановился на какой-то станции – всего на три минуты. Поскольку длительной остановки в ближайшее время не предполагалось, мы с Арникой вышли из вагона. Проводник не возражала, даже открыла нам дверь. Была зима – кажется, февраль. Собака отошла в сторонку и сел в сугроб. И в этот момент поезд тронулся...

Я держалась за поручень вагона и сначала шла, а потом уже бежала за поездом, который начал набирать ход. Я кричала «Нюся! Нюся!», а она тихонько трусила за мной – ей и невдомек было, что нужно поторопиться. Проводница стояла на площадке и ругала меня почему зря. Выхода было два: запрыгнуть в вагон и оставить на станции собаку, но это было совершенно невозможно, или отпустить поручень и остаться самой. Но об этом думать тоже не хотелось –

в вагоне оставались и вещи, и документы. «Дергайте стоп-кран! – закричала я проводнице. – Дергайте стоп-кран!». Она и дернула.

Поезд заскрежетал, завизжал, замедлил ход и остановился. Я схватила собаку, взлетела по ступенькам в вагон и помчалась на свое место. Я была уверена, что сейчас последуют какие-то санкции. Например, штраф. Ну, или вообще высадят. Видела, как пришел разбираться начальник поезда, но вот, что удивительно – проводница меня не сдала! Впрочем, она в любом случае была виновата – не надо было выпускать пассажира на такой короткой остановке. С тех пор я никогда не выхожу с собаками на маленьких станциях.

Стричь меня учила моя московская заводчица Галина Константиновна Кухаренко, за что ей большое спасибо. Потом была многолетняя практика на своих и чужих собаках, но основы стрижки «модерн» преподала мне именно она. Других стрижек тогда практически не было – не стригли даже льва. На выставках эта прическа не только не приветствовалась, но иногда даже становилась поводом для снижения оценки. Кстати, в Тюмени все же была единственная собака, стриженная подо льва, – серебристый карликовый кобель московского разведения. У него была молодая хозяйка – совсем девочка, которая занималась с ним и ОКД, и ЗКС, так что этот кобель был вполне охранной собакой, несмотря на свой размер.

Я приехала в Москву снова спустя два года – в 89-м, чтобы принять участие в первом Всероссийском пудель-шоу. Такая первая, по сути, монопородная выставка. Собак было – море. Только в нашем ринге, а выставляла я Арнику в открытом классе, было семнадцать сук! Судил немец – очень приятный дядечка. Что я помню про судейство? Очень была необычная манера по тем временам. Да и по нынешним тоже – сейчас так не судят. Может, потому, что нет такого количества собак? Для начала эксперт прогнал нас всех по кругу и сразу разделил на три части: хорошо, очень хорошо, отлично. «Хорей» даже не смотрел, не описывал, не расставлял по местам – поставил оценки и отправил с ринга. Очхоровских снова всех прогнал по кругу и расставил по местам, но описания, если мне память не изменяет, не давал. Потом дошла очередь тех, кто мог рассчитывать на «отлично». Мы оказались именно в этой группе. Выстроились. Эксперт пошел вдоль ряда пуделей, наклоняясь к каждой собачке, заглядывая ей в глаза и проверяя зубы. Когда подошел к Арнике, нагнулся, потрепал ее по морде и даже причмокнул, как если бы поцеловал – так она ему понравилась.

Надо сказать, что выражение морды у Арники, действительно, в отличие от многих других абрикосов, было ангельское. Ну, хороша она была! А потом... потом эксперт обнаружил на груди у нее маленькое, совсем незаметное, на первый взгляд, белое пятнышко. Надо было видеть, как он расстроился! Я даже не ожидала. Он чуть не плакал, разводил руками, как будто извинялся, прижимал руку к груди и почти кланялся мне. И в результате поставил нас на третьем месте. Я, конечно, тоже расстроилась. Потом мы сидели с заводчицей у нее на кухне и чего-то пили, и обе плакали. Но, согласитесь, третья из семнадцати – это тоже не так плохо.

Арника была идеальной по характеру собакой – ласковой, незлобивой, спала со мной в постели, чего никогда не позволяла себе Груня, причем всегда у стенки и даже похрапывала. Вернувшийся из армии муж сначала ревновал, потом сам оценил прелесть ее пребывания под одеялом – брал в охапку, словно мягкую игрушку, и забывал о моем существовании...

Арника – единственная собака, которая умела улыбаться. Когда у нее было хорошее настроение, она вставала на задние лапы, передними начинала скрести мою ногу, при этом открывала рот, растягивала губы, так что обнажались зубы, и еще издавала какие-то хрюкающие звуки – ну, полное подобие смеха! Конечно, она была избалованной собакой – ее любила не только я, но и мои родители, у которых мы проводили значительное время, и соседи. Помню, маленький сын однажды сидит, гладит собаку и наговаривает: «Арнюша, девочка моя!». И поясняет бабушке: да, надо говорить – девочка моя, она же у нас еще маленькая!

Поскольку в этот момент я довольно активно занималась пуделями и даже возглавляла секцию, то и экспериментировала я на своей собаке почему зря – в смысле стрижек. Тогда только-только появилась книжка Вольф-Тальбот «Пудель» – настольная книга пуделиста, учебник и библия в одной обложке, а в ней – описание разных стрижек. Вот я и решила потренироваться – взяла и сделала Арнике «английское седло». Наверное, если бы стриг профессионал, она бы выглядела лучше, но мне все равно понравилось.

Замуж Нюся выходила трижды. Первый раз я повязала ее в Свердловске с абрикосовым пуделем по кличке Барон, которого привез из Москвы с моей же подачи мой двоюродный брат. Родился один щенок, – его мы соответственно назвали Виконт. Парень был очень крупный – вырос практически до размера стандартного пуделя, и яркого, очень насыщенного окраса. Но не красный, а именно темно-абрикосовый. Хозяйка его выставляла, но потомства, по-моему, он так и не оставил – вязать в Тюмени было не с кем. А жаль. Викоша, как мы его

звали, вполне мог бы стать родоначальником абрикосовых стандартов. Но больших сук хотя бы черного окраса в нашем городе тоже не было. Я уж не говорю об абрикосовых...

Нюся, кстати, сама была очень яркая. Помню, на выставке в Свердловске один из пуделистов прицепился ко мне: чем красила собаку? И никак не мог поверить, что у меня нет необходимости ее красить.

Так вот, вернемся к Виконту. В момент его появления на свет мы жили в маленькой однокомнатной квартирке, и разместить собаку со щенком было негде. Пришлось устроить ее под ванной – в углу. Нюсе там места вполне хватало. Буквально через день-два после родов приехала из Свердловска мама. Я буквально обалдела от того, как повела себя Арника. Она ходила вокруг мамы кругами и громко жаловалась, по – другому не скажешь, на свою долю: визжала, скулила и звала ее за собой в ванную. Когда мы вошли туда, она начала метаться от щенка к маме, издавая все те же звуки, словно показывала ей: мол, посмотри, вот видишь, что тут такое? Ты это видела? Какая я несчастная! Что со мной сделали! «Да-да-да, – отвечала ей мама, – бедная, он тебя совсем замучил!». Очень довольная тем, что ее правильно поняли и пожалели, Нюся спокойно улеглась к своему дитятку.

Во втором помете у нас родилось пять щенков – три суки и два кобеля. Про кобелей сейчас ничего не вспомню. Одна сука уехала в Киров, две остались в Тюмени. Одну из них звали Жантиль, и на тот момент она внесла самый значительный вклад в поголовье абрикосовых малых в Тюмени, поскольку рожала по исключительности по восемь штук. Хозяйка умудрялась раздать их в мгновение ока даже в те годы, а это были уже девяностые, когда спроса на пуделей не было вообще. Но все они сели на диваны – на выставки почти никто не ходил. Да и интерес к выставкам тогда резко упал. Люди выживали, как могли. Стало не до собак. Но об этой печальной теме чуть позже.

Я всегда знала, что пудели – умнейшие собаки, но Арника убеждала меня в этом неоднократно. Она понимала меня на уровне интуиции, каких-то флюидов. Иногда я не успевала произнести ни слова, а она уже реагировала.

Помню, как-то я решила ее помыть. Клянусь, я только подумала о том, чтобы ее помыть, молча встала с дивана и молча пошла в ванную, чтобы включить воду и приготовить шампунь, полотенце и т. д. Я сделала буквально три шага, как Арника соскочила с дивана и исчезла под креслом! Как она поняла?! В другой раз то же самое было со стрижкой. Я встала с дивана со словами, сказанными в никуда, в пространство: «Собаку, что ли, подстричь?» Я не взглянула на нее, не позвала, не взяла в руки ничего, что могло быть связано со стрижкой. Опять же просто не успела. Через секунду после этих слов Нюся испарилась!

Сейчас у меня живут карлики и стандарты – они по-своему умны, но вот такой интуицией, как мне кажется, обладали только малые пудели. Даже про больших я не могу сказать того же. Может, потому что карлики более эмоциональны, а большие, напротив, более флегматичны?

С Арникой связаны еще две сейчас забавные, а тогда едва не ставшие драматичными истории, сохранившиеся у меня в памяти. В 91-м у нас в семействе «случилось» прибавление – родилась дочка. Привезли ее из роддома. Глядя на нее сейчас – 176 см, трудно поверить, что когда-то росту в ней было всего 47 сантиметров – кукла! Положили куклу в кроватку, на которой еще не была установлена решетка, и ушли на кухню – обедать. Через какое-то время захожу в комнату и вижу, что пеленка сбилась, и даже лицо у ребенка закрыто. Ничего не поняла, но пеленку поправила и снова ушла. И уже на кухне в какой-то момент обратила внимание на собаку: она лежала под столом, а тут поднялась и бочком-бочком, явно стараясь не привлекать к себе внимания, отправилась в комнату. Я, заподозрив неладное, – за ней. И что бы вы думали? Арника встала на задние лапы возле кровати, а передними начала старательно «закапывать» ребенка! Как она глаза ей не выцарапала – не знаю! Скребла, правда, пеленку, но так,

чтобы прикрыть ею лицо. То есть принесли домой что-то странное, чересчур, видимо, пахнущее, инородное и чужое, от чего нужно срочно избавиться.

Арнику я, конечно, слегка отшлепала, и больше она на Лену не посягала. Но решетку на кровати на всякий случай сразу установили.

Второй случай связан с колли по кличке Тося (Таис Фром Си Кастрл), которую приобрел себе муж, решив, что, если у меня есть своя собака, то и у него тоже должна быть. Про нее можно рассказывать отдельно. А случай был вот такой: специально для Тоси муж где-то достал лошадиную ногу – «косточку». Нога была настоящая, с копытом. Тося долго ее мусолила, но попробуй с такой справиться! А грызла она ее в коридоре между комнатой и кухней. То есть обойти Тосю, которая возилась с этой ногой, никак нельзя было.

Арника, как все нормальные пудели, обычно находилась рядом с любимой хозяйкой: я на кухню – и она на кухню, я в комнату – и она туда же. Но в коридоре лежала Тося и мимо своей косточки Ньюсю не пропускала – рычала. Вообще-то собаки у нас жили дружно, никогда не дрались, но тут Тосю просто бес попутал. Замкнуло ее на этой лошадиной ноге. В общем, три дня я носила Арнику на руках – из комнаты в кухню и обратно. На третий день Тося решила, что, чем ногу караулить, проще Арнику загрызть. И в какой-то момент кинулась на нее, не дожидаясь, пока та выйдет в коридор, – прямо в комнате! Крик стоял! Хорошо, что все мы в этот момент были дома. Арнику из зубов Тоси вырвали, злодейку наказали, пуделя утешили, чем могли... После этого, вы не поверите, – за ночь Тося ногу сгрызла начисто вместе с копытом!

Выставочная карьера Арники закончилась, когда собака, в общем-то, была еще совсем молодой. Года три – четыре. И не потому, что мы собрали все, что могли. Тогда и собирать-то, по большому счету было нечего – даже Чемпионов России еще не давали. Первый раз, помню, за этим титулом мы ездили с подругой в Пермь, и это было уже году в 94-м, а то и в 95-м. Может, в Москве и раньше начались Чемпионаты России, а на Урале и в Сибири – в середине 90-х. Ни про какие САСы мы и слыхом не слыхивали. Тогда не нужно было получать кучу кандидатов – это уж потом РКФ придумала, чтобы на выставки народ привлекать. Чемпиона России получала одна собака в окрасе – кобель или сука.

Помню, как это было. Приехали мы в Пермь с подружкой, – у нее жила малая серебристая Элис Мориц, привезенная из Москвы. Эля была страшная стерва. Стригла ее только я, потому что хозяйке она не давалась, но при этом и меня умудрялась то и дело тяпнуть за палец. Однажды, когда мы «имели наглость» выдавать ее замуж, Эля в самый ответственный момент укусила меня за нос...

Стрижки превращались в настоящую экзекуцию, но не столько для собаки, сколько для меня. Длились эти процедуры несколько часов, после чего, совершенно обессиленные, мы с ее хозяйкой обязательно это дело «запивали», чтобы снять стресс. Например, Эля совершенно не хотела стоять, все время заваливалась на бок, висла на наших руках, отворачивалась, горбилась и т. д. Причем стричь мы ее начали с двухмесячного возраста, то есть нельзя сказать, чтобы она была не знакома с этой процедурой. Но вот такая была собака...

Выставлять ее тоже могла только я, потому что в руках у хозяйки она превращалась в кисель, расплзающийся по всему рингу. В то время, а это год 94-й – 95-й никто толком и не умел выставлять – стойки в ринге только-только становились, что называется, хорошим тоном, и никто и не думал о том, чтобы подбирать собачке оптимальный темп движения и следить за тем, как она держит голову. Ну, пробежали и пробежали, ну, получили описание... Вот и мы – пробежали и получили описание.

Судила тетенька из Москвы – помню, полная такая, круглая. Эля, которой было года полтора, стала первой в ринге серых сук, а у кобелей ринг выиграл хороший такой семилетний мальчик в классическом льве, с огромным количеством шерсти, с неплохой головой (но и у Эльки был такой рубильник – позавидуешь!). Вышли мы с этим кобелем на сравнение

на Чемпиона России. Поставили собак в стойку. А Эля ну ни в какую стоять не хочет – падает на бок и все тут. Я ее под горло взяла, встряхнула и так зажала, что собака аж захрипела, а сама на эксперта смотрю и во весь рот ей улыбаюсь.

Вот она ходила между нами, ходила, ходила – ходила, думала – думала. И тот нравится, и эта вроде ничего. У кобеля хозяйка была – молодая девушка, деловая такая. Эксперт у нее спрашивает: сколько собачке? Семь лет. А вам? То есть Эльке. «Полтора года», – говорю я, а сама Элю душу и улыбаюсь. Эксперт снова думает. Чувствую – сейчас силы у меня кончатся, руки разожмутся, и собака просто упадет на пол. И прощай тогда Чемпион России! Ну, и решила на судью «давление оказать». «Мы, – говорю, – еще молодые, у нас все впереди, нам стимул нужен!» Уж не знаю – почему, то ли эти мои слова повлияли, то ли улыбка висельника, но только Чемпиона России эксперт нам отдала. А в качестве приза мы получили чугунную сковородку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.